

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ-ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «МОРФИЙ»: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К. А. Лосева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

kristinalos94@mail.ru;

научный руководитель – Е. В. Локтевич, кандидат филологических наук

В статье на основании воспоминаний и эпистолярных источников разных лет осуществляется системный анализ типологических схождений между двумя биографиями: М. Булгакова и главного героя рассказа-повести «Морфий». Практическая значимость работы определяется многоаспектным подходом к решению научной проблемы: система датировок, точки зрения современников, прототипы. Теоретическая значимость заключается в возможности дальнейшего развития теории автобиографизма «Морфия» в контексте историко-литературной биографики и текстологии.

Ключевые слова: Михаил Булгаков; биографический метод; рассказ-повесть «Морфий»; субъектная организация; биография; текстология.

Булгаковский текст в связи с его автобиографизмом в разное время рассматривали Г. Адамович, М. Гофман, Р. Янгиров, В. Угрюмов, В. Лосев, В. Сахаров, О. Бердяева и др. Частные вопросы, раскрывающие специфику повести «Морфий», представлены в трудах В. Зимняковой, В. Казак, Е. Ивановой, Е. Яблокова. Так, по мнению В. И. Лосева, это произведение является «самым актуальным сочинением Булгакова» [1], так как «своей пронзительной правдой, достигнутой благодаря личному опыту, несет такой заряд назидательной силы, какой вряд ли до этого встречался в художественной литературе» [1]. Рукопись произведения до сих пор не найдена, а именно текстологический анализ мог бы прояснить многие проблемы субъектной организации текста в его соотносительности с жизненной позицией *автора биографического* (Б. О. Корман).

Давно установлено, что цикл «Записки юного врача» перекликается с биографией писателя. Но если истории о сложных операциях и некоторой неопытности врача воспринимаются читателями положительно, то содержательная парадигма рассказа-повести «Морфий» подвергается противоречивому обсуждению и строгой критике.

«История болезни» – так главный герой (первичный субъект сознания) произведения называет зарождение и укрепление собственного морфиниз-

ма. Однако в контексте биографии писателя возникает закономерный вопрос: это история героя (первичного субъекта сознания) или автора биографического (высшего субъекта сознания)?

Существующая теория об автобиографичности этого произведения небезосновательна. Согласно хронотопу (пространственно-временным координатам) произведения, доктор С. Поляков попадает в Горелово в сентябре 1917 г. Известно, что за год до этого (в сентябре 1916 г.) М. Булгаков прибыл в село Никольское на должность заведующего 3-м врачебным пунктом.

В процессе нашего анализа выяснилось, что с датами, например, наблюдается полное совпадение. Хотя Т. Лаппа (первая супруга писателя) и сестра писателя Н. Земская были не согласны с рядом корректировок, внесенных в оригинальный текст уже после смерти М. Булгакова (таким образом Е. Земская стремилась провести черту между автором цикла и его героем, опасаясь субъектного неразличения, которое смущало родственников писателя).

Автобиографические интенции обращают на себя внимание при анализе фрагмента текста, где С. Поляков делает первый укол и осуществляет повторную инъекцию в целях предупреждения боли [2, с. 131]. Обращает на себя внимание типологическое сходство двух субъектов сознания (главного героя и автора): общеизвестно, что к инъекциям морфина М. Булгаков вынужден был прибегать из-за недомогания в результате заражения дифтерией во время спасения больного ребенка. Т. Лаппа вспоминает: «Начался у него страшный зуд, который долго не прекращался, и Михаил попросил ввести ему морфий. После принятия морфия ему стало легче, и он, боясь повторения зуда, попросил повторить инъекцию. Так постепенно он стал привыкать к морфию» [1]. Герой М. Булгакова тоже делает укол, но в результате сильных болей в области желудка.

Еще одним возможным подтверждением автобиографизма «Морфия» является ситуация с опиумной настойкой. Так, согласно сюжету, во время перерыва на работе фельдшер сообщает о том, что к употреблению этого средства как-то прибегала зависимая фельдшерица, когда морфий достать не получалось [2, с. 133]. После этого первичный субъект сознания – Поляков – в своих записях проявляет агрессию и просит врачей быть снисходительнее к морфинистам, а позже признает свою резкость несправедливой: «Сегодня во время антракта на приеме, когда мы отдыхали и курили в аптеке, фельдшер, крутя порошки, рассказывал (почему-то со смехом), как одна фельдшерица, болея морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки. Я не знал, куда девать глаза во время этого мучительного рассказа. Что тут смешного? Мне он ненавистен.

Что смешного в этом? Что?» [2, с. 118] Между тем зафиксирован факт того, что и писатель пробовал заменить морфин опиумом (воспоминания Т. Лаппы) [1]. Можно предположить, что этот эпизод демонстрирует понимание писателем сложности своего положения, которое передается посредством *фразеологической точки зрения* (речи) фельдшера как вторичного субъекта по отношению к фигуре автора-творца.

Другое субъектное совпадение связано с посещением М. Булгаковым знакомого нарколога. Считается, что именно после разговора с этим врачом процесс отвыкания от морфина был запущен, хотя в возможность выздоровления сам писатель почти не верил [3]. В произведении главный герой тоже посещает знакомого врача, только не для консультации, а для лечения в московской клинике, из которой, не выдержав мучений, сбегает [2, с. 133].

В этой точке пересечения двух субъектов сознания – автора и героя – происходит их дальнейшее субъектное отчуждение. В то время как автор биографический стал бороться с зависимостью благодаря поддержке Таси (так писатель называл свою первую жену) и отчима, доктор С. Поляков вновь поддался прежним желаниям, и судьба его была предreshена.

Опираясь на сведения из биографии Т. Лаппы, можно предположить, что именно она являлась прототипом Анны Кирилловны. Напомним, что первая жена М. Булгакова работала сестрой милосердия в 1916 г. и вместе с мужем поехала на фронт.

История их совместной жизни не была простой, однако именно Т. Лаппа находилась рядом с писателем в период тяжелой зависимости и нашла в себе силы помогать ему: «И тогда я обратилась к Ивану Павловичу Воскресенскому за помощью. Он посоветовал вводить Михаилу дистиллированную воду. Так я и сделала. Я уверена, что Михаил понял, в чем дело, но не подал вида и принял “игру”. Постепенно он отошел от этой страшной привычки. И с тех пор никогда больше не только не принимал морфия, но и никогда не говорил о нем» [4].

Об актуальности «нового биографизма» (синтеза документального и художественного начал) в русской литературе пишет Т. Н. Бреева, утверждая, что реальность автора и реальность героя (их субъектное взаимодействие) могут удивительным образом пересекаться в художественном тексте [5, с. 14].

Мы считаем, что дальнейшее изучение биографического аспекта творчества писателя напрямую связано с биографикой как одним из актуальнейших междисциплинарных направлений в современном гуманитарном знании. Биографика рассматривает проблемы изучения биографии в свете историографического, теоретико-методологического и литературоведческо-

го контекстов, а также связана с разными аспектами литературно-художественной критики и служит для обнаружения неявных связей биографии творческой личности и художественного текста.

Библиографические ссылки

1. *Лосев В. И.* Комментарии // Михаил Булгаков «Морфий» [Электронный ресурс]. URL: <https://mybiblioteka.su/7-11410.html> (дата обращения: 26.02.2020).
2. *Булгаков М. А.* Морфий. М. : Издательство АСТ, 2018. 256 с.
3. Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность [Электронный ресурс]. URL: http://origin.rusline.ru/analitika/2012/05/01/demonologiya_mihaila_bulgakova/ (дата обращения: 26.02.2020).
4. *Стронгин В. Л.* Михаил Булгаков. Морфий. Женщины. Любовь [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/mihail-bulgakov-morfij-zhenschiny-lyubov.html> (дата обращения: 26.02.2020).
5. *Бреева Т. Н.* «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 14.